

Научная статья

УДК 141

DOI: 10.18384/2949-5148-2026-1-26-37

ГАБРИЭЛЬ МАРСЕЛЬ: ПОНЯТИЕ *БЫТИЕ-В-СИТУАЦИИ*

Гусейнов Ф. И.

Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана

(национальный исследовательский университет), г. Москва, Российская Федерация

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Российская Федерация

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: metafizikas@rambler.ru

Поступила в редакцию 23.09.2025

После доработки 14.10.2025

Принята к публикации 27.10.2025

Аннотация

Цель. Выявить и эксплицировать понятие *бытие-в-ситуации* в комплексе философских идей французского мыслителя Габриэля Марселя.

Процедура и методы. На основе метода системного и структурного анализа, герменевтики оригинальных текстов проведён генеалогический анализ понятия *ситуация* у Марселя в компаративистике с аналогичным понятием у Ясперса, Хайдеггера, Сартра. Эксплицировано содержание данного понятия в терминологии Габриэля Марселя и выявлена связь с другими категориями из словаря французского мыслителя.

Результаты. Выявлен концепт *бытие-в-ситуации* как один из центральных в рамках концепции инкарнации как исходной позиции в экзистенциальной философии Габриэля Марселя.

Теоретическая и/или практическая значимость. Определены сферы применения значений понятия *ситуация*, выявлены виды ситуаций и конкретизированы экзистенциальные этические требования.

Ключевые слова: бытие-в-ситуации, Габриэль Марсель, диспонибельность, инкарнация, творческая верность.

Для цитирования:

Гусейнов Ф. И. Габриэль Марсель: понятие *бытие-в-ситуации* // Современные философские исследования. 2026. № 1. С. 26–37. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-1-26-37>.

Original research article

GABRIEL MARCEL: THE CONCEPT OF *BEING-IN-SITUATION*

F. Guseynov

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

e-mail: metafizikas@rambler.ru

Received by the editorial office 23.09.2025

Revised by the author 14.10.2025

Accepted for publication 27.10.2025

Abstract

Aim. To reveal and explicate the concept of *being-in-situation* in the complex of philosophical ideas of the French thinker Gabriel Marcel.

Methodology. A genealogical study of Marcel's concept of *situation* in comparative consideration of similar concepts in Jaspers, Heidegger, and Sartre is conducted using the method of systemic and structural analysis and the hermeneutics of original texts. The content of this concept is explicated in the terminology of Gabriel Marcel, and the connection with other categories from the vocabulary of the French thinker is revealed.

Results. The concept of *being-in-situation* is identified as one of the central concepts within the concept of incarnation as the starting point in the existential philosophy of Gabriel Marcel.

Research implications. The application areas of the concept *situation* meanings are defined, types of situations are identified, and existential ethical requirements are specified.

Keywords: being-in-situation, Gabriel Marcel, disponibility, incarnation, creative fidelity

For citation:

Guseynov, F. I. (2026). Gabriel Marcel: The Concept of *Being-In-Situation*. In: *Contemporary Philosophical Research*, 1, 26–37. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-1-26-37>.

Введение

Размышляя об исходных основаниях, французский философ Габриэль Марсель (1889–1973) приходит к выявлению базовой ситуации человека, заключающейся в том, что каждый человек застаёт себя с момента рождения как телесно воплощённое существо, т. е. как существо, наделённое человеческим телом. Это состояние телесности Марсель называет феноменом инкарнации или воплощённости, что является фундаментальной онтологической данностью. Ситуация инкарнации становится исходным пунктом, своеобразной архимедовой точкой опоры, задающей весь дальнейший философский дискурс. Поль Рикёр в интервью с Марселем скажет, что этот анализ дал толчок на французской почве развитию великой философии телесности, которая получила продолжение у Мерло-Понти в его исследованиях по феноменологии восприятия: «Введя в “Метафизическом дневнике” эти размышления об *ощущении* и *восприятии*, Вы поистине положили начало новому типу анализа, которому во французской философии было суждено большое будущее!» [1, с. 15]. Продолжение философия тела получила также у Фуко и Делёза, которые в статусе молодых студентов слушали лекции по феноменологии восприятия у Мерло-Понти.

Как известно, Мишель Фуко впоследствии займётся исследованием в рамках истории сексуальности практик заботы о себе и будет разграничивать понятия *тело* и *плоть* [2, с. 6]. Делёз вместе с Феликсом Гваттари предложат постмодернистский образ, где вместо человека желающие шизофренические машины явят всеохватную жизнь во всём её размахе, где «я и не-я, внешнее и внутреннее утрачивают всякий смысл» [3, с. 20].

Детально развитие идеи инкарнации получают в «Метафизическом дневнике» – главном философском произведении Марселя, который, напомним, состоит из трёх частей. Автор Дневника вёл свои записи с небольшими перерывами в течение почти тридцати лет с 1913 до 1943 гг. Дневник написан в особом философском жанре и совсем не в академическом стиле. Опубликовав его в таком виде, в котором мы его знаем и читаем, Марсель выступил философом-новатором и открыл, по сути, новый философский жанр, которого ранее не существовало в философии. После публикации первого Дневника в 1927 г. от коллег по философскому цеху последовали разнообразные реакции: от критических и нейтральных до самых восторженных. Так, Леон Брюнsvик, преподаватель Марселя в Сорбонне, который стоял на по-

зициях неокантианства, был настроен критично, известны их периодические дебаты на Философских конгрессах. Для Сартра, как мы бы сказали, автор Дневника был своеобразной «фигурой умолчания», он предпочитал не высказываться о Марселе, ограничившись парой кратких указаний. То же самое касается всего кружка Сартра – Мерло-Понти, Арона, Низана, Камю, Симоны де Бовуар. Однако были и восторженные, в частности, Этьен Жильсон, с которым Марсель вместе учился, приветствовал идею нового жанра и считал его философско-дневниковую форму для XX в. таким же прорывом, каким в своё время были «Суммы» св. Фомы Аквинского для Средневековья или «Эссе» Мишеля Монтеня для Нового времени. Жан Валь, со своей стороны, пошёл ещё дальше Жильсона и даже выступил с предложением включить «Метафизический дневник» как лабораторию живой философской мысли во все университетские учебные программы для философских факультетов, чтобы студенты могли воочию увидеть и непосредственно почувствовать, что представляет собой настоящее философское мышление.

Второй Дневник, который вышел под названием «Быть и иметь» (1935), Марсель посвятил Анри Бергсону, он охватывает философские размышления периода 1928–1933 гг. В этом тексте в записи от 7 ноября 1929 г. Марсель вводит в философский оборот термин *ситуация*. Если не делать историко-философский экскурс со скрупулёзными подробностями и ограничиться кратким рассмотрением, то данное понятие более чем у остальных раскрыто в работе Ясперса «Духовная ситуация времени». Принято считать, что именно Ясперс является пионером «философии ситуации». Для корректности следует отметить, что указанный текст Ясперса вышел в 1931 г. В то же время анализ данного понятия в текстах Марселя активно ведётся с 1928 г., что легко фиксируется по записям, относящимся к соответствующему периоду во Втором Дневнике. Это ставит под вопрос общепринятое мне-

ние, широко распространённое в научных монографиях, учебниках и энциклопедиях, что термин «ситуация» в философии обязан своим происхождением немецкому философу Карлу Ясперсу. В своей «Философской автобиографии» Ясперс вспоминает, как взялся в 1929 г. за заказ, который ему поступил. Речь шла о том, чтобы написать тысячный по счёту том для серии Гёшена: «В качестве темы мне назначили "Духовные движения современности". Я сразу же изменил тему "Духовная ситуация времени". Этим я хотел сказать, что мой взгляд не охватывает всех движений; я не знаю, что происходит в целом. Я могу только показать ситуацию и её аспекты» [4, с. 230]. В сентябре 1930 г., пишет Ясперс, текст был готов, но из-за результатов успешных выборов в рейхстаг национал-социалистов пришлось оставить рукопись этого небольшого сочинения в письменном столе, чтобы затем издать её одновременно с трёхтомной «Философией». Это было необходимо, согласно Ясперсу, для большей аргументированности высказанных в ней идей. «Духовная ситуация времени» вышла в начале октября 1931 г., а «Философия» была опубликована сразу после этого, в декабре. При этом издательство на всякий случай предусмотрительно подстраховалось и указало «на книге 1932 год» [4, с. 202]. Сравнивая независимую хронологию исследований двух философов и исходя из научной справедливости, по крайней мере мы можем сделать заключение, что при анализе понятия «ситуация» совершенно правомерно наряду с Карлом Ясперсом не забывать о Габриэле Марселе.

История понятия *бытие-в-ситуации*

«Сущность человека, – утверждает Габриэль Марсель, – быть в ситуации» [5, с. 67]. Ситуация всегда есть некая данность, это то, в связи с чем человек себя застаёт как «завербованность» [5, с. 53]. Марсель при написании данного термина иногда использует дефисы (*бытие-в-*

ситуации), иногда опускает их (*бытие в ситуации*). Во избежание путаницы мы предпочтём одну – первую – форму написания и далее будем использовать написание с дефисами. Рикёр в своей статье по компаративному анализу взглядов Марселя и Гуссерля пишет, что исходный философский жест Марселя, которым он вводит нас в свой философский дискурс, является понятие *ситуация*. Данное понятие у Марселя, приходит к выводу Рикер, примерно соответствует понятию *горизонт* в словаре Гуссерля: «И если всё же нужно поискать в феноменологии Гуссерля эквивалент марселевскому понятию ситуации, то это скорее будет понятие горизонта, чем понятие объекта» [6, с. 430]. Бытие-в-ситуации устанавливает исходный приоритет горизонта над объектом.

Одной из заслуг Марселя является тот факт, что он первым ввёл в философский оборот понятия *ситуация* и *ангажированность*. На этом факте, в частности, делает акцент Жильсон: «Популярность так называемых “экзистенциалистских” философий, кстати, часто так именуемых вопреки их авторам, в конце концов привлекла внимание публики к тем страницам “Метафизического дневника”, на которых, начиная с 1928 г., такие понятия, как “ситуация” и “ангажированность” (*engagement*), были определены и пущены в оборот раньше, чем К. Ясперс обеспечил им распространение, сегодня им столь свойственное» [7, с. 315–316]. Как и Жильсон, эту же мысль высказывает в своей книге «По направлению к конкретному» (1932) Жан Валь в главе, посвящённой Марселю. Разумеется, речь не идёт о том, что до Марселя никто не употреблял эти термины, но о том, что он возвёл их на философский уровень и осмыслил как понятия, получившие впоследствии во французском культурном поле широкое распространение. Термин *ситуация* встречается у многих философов экзистенции, в частности, помимо Ясперса, ещё у Хайдеггера и Сартра.

Обращение к термину *ситуация* встречается также у раннего Хайдеггера, например, в его утерянной рукописи «Феноменологические интерпретации Аристотеля (Экспозиция герменевтической ситуации)» (1989). В этой оригинальной работе молодым Хайдеггером (1889–1976), который был одногодкой с Марселем (1889–1973), предлагается кардинально новое прочтение метафизики Аристотеля. Это философский текст со сложной историей, написанный летом 1922 г., потом утерянный, найденный и опубликованный только в 1989 г. в «Дильтеевском ежегоднике» с предисловием Ганса-Георга Гадамера. Как указывают исследователи, в «Феноменологических интерпретациях Аристотеля» в зародыше содержатся почти все основные идеи «Бытия и времени». Таким образом, у Хайдеггера, обратившегося к понятию *герменевтическая ситуация*, также был опыт использования данного термина в философии параллельно с Ясперсом. Однако отметим, что, во-первых, этот термин используется у него в конкретном контексте как *герменевтическая ситуация*, что синонимически близко к термину *философская ситуация*. Комментатор данной рукописи пишет, что в ней «Хайдеггер предлагает своё понимание философии как герменевтической феноменологии» [8, с. 32]. А во-вторых, тот факт, что работа об Аристотеле обнаружилась полвека спустя от хронологии описываемых событий, говорит сам за себя. И хотя мысли Хайдеггера и Марселя порой демонстрируют удивительную близость, в частности, это касается понятия *бытие-в-мире*, опубликованный недавно текст не мог быть известен никому, кроме ближайшего окружения Хайдеггера. Так, его студент и ученик Гадамер пишет, что текст феноменологической интерпретации Аристотеля в 1922 г. стал для него настоящим открытием: «Эту рукопись я читал неоднократно, с медленно возрастающим пониманием, пока она не была потеряна в неразберихе второй мировой войны» [8, с. 11].

Феномен Сартра

Во французском философском поле этот термин встречается у Жан-Поля Сартра (1905–1980), который пишет на страницах «Бытия и ничто», что хочет определить понятие *бытие в ситуации* и дать «более ясную концепцию того, что является “ситуацией”» [9, с. 552–553]. Известно, что нобелевский лауреат по литературе выпустил целый цикл работ под названием «Ситуации» и даже писал о «театре ситуаций», однако в этом вопросе есть предыстория. Речь идёт о том, что мы выше назвали «фигурой умолчания», и эта предыстория касается личных взаимоотношений Сартра и Марселя. В своих мемуарах Марсель пишет, что Сартр одно время посещал в его доме философские собрания – «марселевские пятницы», которые проходили в виде домашних семинаров в парижской квартире автора «Метафизического дневника». По воспоминаниям участников семинаров, Сартр, который на 16 лет младше Марселя, выступал на них с докладом на тему «Трансценденция Эго». Этот доклад после был опубликован в 1936 г. и стал самым первым философским произведением Сартра. Данные события происходили примерно за два года до публикации «Тошноты» (1938) и за десять лет до всемирной славы, пролившейся на Сартра после Второй мировой войны. Во время одной из бесед Сартр признался, вспоминает Марсель, что только после его объяснения ему стало ясно, что такое *ситуация* и что значит *быть в ситуации*: «...у нас с Сартром была очень сердечная, продолжительная встреча у меня дома. ...В ходе этой беседы Сартр меня удивил, заявив, что понял важность понятия “ситуация” благодаря моим работам» [10, с. 67].

Марсель также не без чувства заслуженной гордости вспоминает, что Сартр обязан именно ему основной темой, вокруг которой строится роман «Тошнота». Неизвестно, какой была бы судьба этого романа, который до этого Сартр планировал назвать «Меланхолия», не будь его встречи с Марселем, так же как неизвестно, какой

была бы судьба «Ревизора» без встречи Гоголя с Пушкиным. И хотя основные события романа у Сартра по сюжету связаны с преподавательской практикой автора в Гавре, где он проработал после Эколь Нормаль почти десять лет, взглянуть на всю фабулу под ракурсом темы «вязкости» или «клейкости» (*visqueux*) ему предложил Габриэль Марсель.

Это, в свою очередь, пересекается с собственными темами, разрабатываемыми Марселем, как мы увидим далее. Цепь таких его понятий, как *проницаемость*, *пористость* и *расположенность*, *оппозиция* *клейкость-расклеенность* ведёт к одному из ключевых марселевских понятий – понятию *диспонибельность*. Именно сквозь призму предыстории взаимоотношений двух философов мы выше заявили, что Марсель для Сартра является своеобразной «фигурой умолчания». Речь идёт о том, что на страницах своих многочисленных работ, где встречается великое множество разнообразных имён современных французских интеллектуалов, автор «Тошноты» упоминает Марселя всего два раза. Первый раз – в известном фрагменте знаменитой программной статьи «Экзистенциализм – это гуманизм» (1946), где вводится сегодня подвергающееся критике деление на экзистенциализм христианский и атеистический. И второй раз – в очерке «Что такое литература?» (1947), где Сартр, ссылаясь на работу своего друга Поля Низана, уделяет Марселю меньше половины предложения.

У Марселя, как верно замечает Жильсон, философский поиск связан с онтологической ангажированностью, его анализ рассматривает не абстрактные, а конкретные ситуации. Автор философии неотомизма указывает на методологию «второй рефлексии» у Марселя и подчёркивает, что вторая рефлексия есть «всегда открытое исследование бытия, ведомое самим же бытием, участным (*engagé*) и ситуационным» [7, с. 317]. Существование – это конкретная ситуация, в которой протекает жизнь человека. Марсель предупреждает, что имеется в виду не пространственное расположение, которое некто, находясь в

ситуации, занимает как физический объект или вещь, место в пространстве и во времени. Главный смысл заключается в идее находиться в некотором онтологическом месте, статус которого указывает Марсель, проясняется через обладание свойством промежуточности. Бытие-в-ситуации предстаёт как метафизическое бытие в экзистенциальной промежуточной зоне, где есть два разные области, с которыми человек как живущий определённым образом связан всё время. Для прояснения своей мысли Марсель приводит несколько иллюстраций, уточняющих понятие *бытие-в-ситуации*. Для лучшего понимания того, что значит *находиться в ситуации*, Марсель предлагает обратиться к понятиям «между» и «у», которые, в свою очередь, подводят нас к понятию «диспонибельность», несущему в его учении важную смысловую нагрузку.

Диспонибельность (*disponibilité*)

Для лучшего понимания этого связующего аспекта в философии бытия-в-ситуации Марсель вводит понятие *диспонибельность* (*disponibilité*). У этого слова, которое играет очень важную роль в учении, много словарных значений, поэтому при переводе нужно быть внимательным к контексту. Необходимо подчеркнуть, что у Марселя этот термин семантически имеет конкретное значение и выступает в качестве точного и однозначного философского понятия. С нашей точки зрения, данный термин, дабы избежать терминологических удвоений, предпочтительнее оставить в латинизированном виде без перевода и использовать соответственно как *диспонибельность*. Мы считаем, что латинизированный вариант термина позволяет сохранить научную точность. «Быть “disponible” – значит дарить себя и связывать себя этим дарением (*s'engager*)»¹. Если вкратце, то диспонибельность понимается как открытость или расположенность.

¹ Тавризян Г. М. Марсель Габриэль // Философы Франции: словарь. 2-е изд., испр. и доп. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 304.

Противоположным термину *диспонибельность* будет термин *замкнутость*, или по-другому *недиспонибельность*. Примером замкнутого, закрытого состояния является ситуация, описанная Марселем в пьесе «Человек праведный» (1922). Главный герой пьесы пастор Клод Лемуан, столкнувшись с крушением супружеской жизни и крахом духовного призвания, которому посвятил, как ему казалось, всецело себя и всю свою жизнь, спрашивает в конце пьесы самого себя: «кто я?». Финальная сцена драматического произведения завершается часто повторяемым и широко известным в марселеведении высказыванием-призывом: «Явиться людям и себе тем, кто ты есть» [11, р. 104].

Мы здесь видим другое развитие идей Анри Бергсона (1859–1941), выдвинутых им в работе «Два источника морали и религии» (1932). Марсель довольно часто ссылается на эту работу, считая её идеями самыми глубокими среди всех остальных произведений Бергсона. Порой Марсель, который был учеником и другом Бергсона, даже утверждает, что сам Бергсон до конца не оценил и не осознал огромного значения и весь масштаб своего великого открытия. Действительно, эти идеи автора «Двух источников» имели разное продолжение: так, Карл Поппер (1902–1994) их развил применительно к социуму, что стало несущим каркасом знаменитой книги «Открытое общество и его враги» (1943), где австрийский мыслитель дифференцировал социум на открытые и закрытые общества. В прямо противоположном Попперу направлении идеи Бергсона получили развитие у Габриэля Марселя: движение идёт от социальных институтов как объективированном функционально-отчуждённом существовании к подлинным бытийным человеческим отношениям. От «Я-Он» к «Я-Ты», где человек к человеку на экзистенциальном уровне относится не как к взаимозаменяемому полезному функционалу, а как к своему ближнему, единственному и неповторимому существу.

Идея диспонибельности связана с понятием *между*, при рассмотрении которо-

го Марсель для прояснения приводит три примера. По своему обыкновению, он не даёт строгой научной дефиниции, но проводит согласно своей методологии второй рефлексии экзистенциально-феноменологический анализ. Рассмотрим их вкратце в авторской последовательности. Итак, первый пример ландшафтный или географический. Мы можем представить, говорит Марсель, например, такое расположение, как просвет между деревьями или долину между горами. Человек, живущий в горной долине, может чувствовать себя двояким образом. В первом случае он может жить с чувством зажатости и воспринимать свою ситуацию в мире так, словно что он зажат между двумя горами, как между двумя створками футляра. В этом ракурсе человек будет чувствовать себя так, как будто эти горы своими каменными массами готовы его раздавить. Но этот же человек при другой оптике может взглянуть и увидеть эту ситуацию иначе, а именно воспринимать себя как находящегося в положении связующего звена, опосредующего эти две стороны друг с другом. Эта миссия создаст у человека ощущение, что он призван к посредничеству двух враждующих сил, и служит, как пишет Марсель, «инстанцией их взаимной коммуникации» [5, с. 68].

Для объяснения понятия *диспонибельность*, которое представляет поиск своего расположения в мире, своего бытийного центра, продолжим феноменологический анализ вслед за Марселем, который во втором примере предлагает обратиться к образу гостиницы. Представим себе, пишет Марсель, высокого уровня, люксового класса пятизвёздочную гостиницу. Конкретный анализ, согласно методологии второй рефлексии, гласит, что самой по себе гостиницы не существует, это абстракция, она обязательно должна быть где-то расположена. Представьте себе, продолжает Марсель, что так оказалось, что эта люксовая гостиница расположена в сильно неудачном месте, допустим, на безлюдном отшибе с неприятными звуками и запахами, где посетители себя

чувствуют неуютно. Поскольку место гостиницы топографически неудачно, то это будет пример плохого расположения или, согласно марселевской терминологии, плохой ситуации.

Теперь, предлагает Марсель, возьмём третий пример, но уже не пространственного типа. Представим себе человека, который находится в хорошей ситуации со всеми сопутствующими атрибутами, что является в понимании большинства современных людей примером хорошего расположения. Под хорошей ситуацией в обыденном представлении наших современников часто понимается некий перечень объективных параметров, куда входит стандартный джентльменский набор – то, что человек достаточно зарабатывает, обеспеченный, имеет счёт в банке, удовлетворён своей работой, своим жильём и т. д. При этом случается, замечает Марсель, что при наличии, казалось бы со стороны, довольно хороших объективных условий субъективно наш персонаж, о котором идёт речь, внешне ни лицом, ни общим своим видом не выглядит счастливым человеком. Несколько сокращая феноменологический анализ Марселя, отметим, что так постепенно, шаг за шагом рассмотрение аспекта диспонибельности как расположенности у французского философа от внешнего плана переходит к внутреннему плану.

Главная идея заключается в том, что человек как бытие-в-ситуации всегда амбивалентен и подвержен влияниям с двух разных сторон. От нашего исходного экзистенциального взгляда зависит, как находящийся в ситуации человек будет в дальнейшем себя вести. Здесь начинается у Марселя переход к теме «творческой верности», которую Рикёр называет «великой» и которую поставил третьей по значимости в учении Марселя. Верность и предательство – важные понятия конкретной философии. Первой программной темой было утверждение иерархии сущего и выделение двух уровней экзистенции и объективности. Второй, соответственно, было установление разграничения между

проблемой и таинством. Творческая верность стала третьим философским манифестом Габриэля Марселя.

Творческая верность

Человек может предательски мыслить и испытывать предательство, чувствовать себя как неудачно расположенная гостиница, или, если мы обратимся к предыдущим иллюстрациям, ощущать себя зажатым с двух сторон футляром, он может, так сказать по-гоголевски, замкнуться в своём футляре и тем самым отказаться от связанности. А может противоположным образом направить своё внимание в сторону соединения и связи разных сторон, открывающихся в конкретной жизненной ситуации, которые с ним контактируют. С экзистенциальной точки зрения *находиться в ситуации* значит открываться и смело идти навстречу, пребывать в состоянии своеобразной «пористости» и сохранять верность Свету. Понятие *пористости* у Марселя является антитезой понятия *склеенности* или *вязкости*, которое Сартр представил в «Тошноте». Состояние пористости важно всегда поддерживать подобно состоянию воды, которая, чтобы быть свежей и не заливаться, должна быть проточной и избегать запруды.

В другом месте Марсель объясняет диспонибельность через феномен гостеприимства. Человек, встречая гостей, должен не просто принять их в своём доме, предоставив гостям место как просто некое физическое пространство. Нет, он должен оказаться в состоянии предоставления места в самом себе для прибывшего гостя. Предоставить место в самом себе не означает приготовить его в самый последний момент, как обычно ведёт себя тот, к кому неожиданно нагрянули гости, но означает всегда быть готовым к встрече с другим, приготовить место через освобождение его от занимающих его приоритетов. То же самое относится ко всем другим проявлениям диспонибельности, где главное заключается в том, чтобы быть пористым и свежим, а не быть душным и склеенным,

наглухо закрытым, занятым другими делами. В качестве примера диспонибельных отношений Марсель приводит отношения между учителем и учеником и вспоминает своего первого учителя философии в лице Карно в Париже, который сумел привить ему любовь к философии [12, с. 88].

Философия Марселя – это практическая философия, она учит, что и как необходимо делать, чтобы не быть занятым другими делами в жизненных ситуациях, а осуществлять самое настоящее «дарение» себя. Так, постепенно Марсель раскрывает два важных взаимосвязанных понятия – *встречу* и *диспонибельность*. Философ проясняет, что быть диспонибельным, как сказано выше, значит дарить себя и связывать себя этим дарением. И здесь обнаруживается парадокс диспонибельности, который раскрывается через диалектику феномена святости и экзистенциального понимания свободы.

Парадокс феномена диспонибельности состоит в том, указывает французский мыслитель, что в нём наблюдается экзистенциальная диалектика свободы и связанности. Последняя вытекает из принципа *партиципации*, лежащем в основе теории *инкарнации*. Диспонибельный человек – это, с одной стороны, человек самый открытый и самый свободный. С другой стороны, такой человек является самым связанным, т. к., свободно практикуя диспонибельность, он в то же время лично связан конкретными приближениями к онтологическому таинству. Очевидно, что для объективного наблюдателя (уровень Я-Он) нет доступа к экзистенциальному измерению (уровень Я-Ты). Таинство любви, верности, надежды, познания, творчества происходит на бытийно-необъективируемом уровне, это не отношения субъекта и объекта, а это субъект-субъектные отношения.

Самые диспонибельные люди являются настоящими образцами для подражания. Марсель считает, что настоящий религиозный святой – это человек, достигший наивысшей степени диспонибельности. Продолжая размышлять над феноменом

святости, Марсель заключает, что святые – это люди одновременно и самые связанные, и самые свободные. Связанность здесь не есть насилие и несвобода. Через все бытийные ситуации, в каждом акте доверия и дарения себя золотой нитью проходит то, что Марсель называет «творческой верностью» (*fidélité créatrice*). Диспонибельность есть подлинное внутреннее проявление свободы, которая упирается в силы согласия и любви.

В экзистенциально-духовном измерении исключаются внешним образом принудительно навязываемые детерминации. Невозможно быть диспонибельным без собственного согласия, как невозможно поэтическое творчество без собственного вдохновения, поэтому принудительные акты с применением внешнего насилия автоматически закрывают доступ в эту сферу. Таким образом, мы видим у Марселя другое понимание концепции экзистенциальной свободы, чем традиционно принято считать в отношении экзистенциализма. Свобода есть не свобода выбора, как, например, это трактуется у Сартра, а это есть верность и готовность ответить на зов так же, как в музыке, когда отсутствует фальшивое звучание в мелодии.

Бытие, по Марселю, имеет иерархическую онтологическую структуру и не является монадическим. На объективном уровне мы имеем дело с принципом детерминизма с его категориями причины и следствия и, соответственно, с объективациями. На данном уровне работают все науки, оперирующие понятиями субъекта и объекта. На экзистенциальном уровне мы имеем дело с присутствиями, где принцип детерминизма не работает. Здесь всё опирается на метод конкретного приближения к онтологическому таинству, где категории причины и следствия уступают место категориям призыва и ответа. Феноменология восприятия Марселя объясняет, что, подобно музыкальному произведению, уровень бытия воспринимаемого связан с уровнем свободного отклика у воспринимающего.

Свобода – внутренне воспринятый ответ со стороны воспринимающего в отношении воспринимаемого или ответ слушающего на услышанный призыв Бытия. От степени восприимчивости зависит степень онтологической потребности, что осуществляется не в социальных структурах и институтах, а в постоянно заново творимом и поддерживаемом экзистенциальном пространстве интрасубъективности. С этой точки зрения святые люди есть самые восприимчивые. Марсель, разворачивая так свою мысль, предлагает очень оригинальный подход к рассмотрению проблематики «чуда», которую мы здесь рассматривать уже не имеем возможности.

С «человеческим уделом» связана фундаментальная онтологическая амбивалентность. Обычные люди в отличие от святых не могут продолжительное время удерживаться на экзистенциальном уровне. Человек – это мерцающая структура, говорит Марсель. В своей повседневной жизни люди время от времени сталкиваются с деградированными состояниями, как внешними, так и внутренними. К первым относится необходимость заниматься ежедневно рутинными делами: ездить на транспорте, ходить на работу и т. д. Но бывают ситуации, когда человек внутренне удручен и не открыт для общения, например, занят карьерой, диссертацией, написанием книги, зарабатыванием денег, делами в офисе, устройством быта и т. п. Помимо такого замыкания на себе, сюда же можно отнести различные идеологические доктрины, теории, симулякры, которые замыкают индивида на группе, партии, классе, секте и ведут к фанатизму в самых разнообразных формах [13, с. 703]. В такой ситуации отсутствия диспонибельности наступает деградация, о чём, собственно, повествуют многочисленные пьесы Марселя, которых насчитывается почти три десятка.

Если обратиться к световым метафорам, то можно сказать, что Свет, который освещает жизненный путь, время от времени загромождается привходящими обстоятельствами, и тогда жизнь отклоняется от

бытия. Идею онтологической амбивалентности Марсель выражает словами героя своей пьесы «Эмиссар»: «И да и нет: это единственный ответ, когда дело касается нас самих; мы верим и мы не верим, мы любим и мы не любим, мы есть и нас нет; это происходит оттого, что мы – на пути к цели, которую, всю целиком, мы видим и не видим» [1, с. 182].

Заключение

Подводя итоги, отметим, что в понятии *бытие-в-ситуации* делается акцент на двух способностях, которые есть у человека. Первая – это способность к рациональности, о которой нам хорошо известно в связи с триумфальными достижениями современной науки и техники, которые всё сильнее входят в нашу жизнь и влияют на наши представления и наше поведение. Вторая есть способность к святости, к переходу на более высокий уровень бытия. Марсель признаётся, что происходит из того же духовного гнезда, что и автор «Философских крох», и утверждает, что перед человеком стоит дилемма «или-или», разумеется, в марселевской интерпретации: или в онтологическом беспокойстве хранить верность Бытию, или предать забвению экзистенциальное измерение. Как показывает опыт XX в., современные люди в подавляющей массе под самыми разными предложениями – от малодушия до «склеенности» – готовы идти на отказ от признания экзистенции и предпочитают смотреть на мир объективистски, исходя из позиции монадизма. Необходимо понимать, не устаёт повторять Марсель, что структура нашего мира такова, что те же основания могут дать человеку возможность сделать шаг в направлении высшего эмпиризма.

Для выражения и описания свободы как внутренней необходимости Марсель использует термины *служение* и *испытание*. Способность к служению в самом высшем смысле слова есть то, что является этическим критерием подлинного существова-

ния. Служение возможно в самых разных сферах и регионах бытия, каждый может нести служение Свету, что означает настроенность на постоянный поиск пути в заданных конкретными ситуациями жизненных обстоятельствах. Каждая отдельная человеческая жизнь представляет собой серию уникальных земных испытаний. Онтологическое беспокойство, составляющее содержание жизни воплощённых существ, отличается от гносеологического беспокойства, где люди, в забвении бытия, выступают исключительно как познающие субъекты.

Выпадающие на индивидуальную долю конкретные ситуации, в которых человек укоренён, с точки зрения экзистенциальной философии Марселя методологически верно мыслить в свете идеи испытания. Одни бытийные ситуации сменяются другими, испытывая его творческую верность. Человек, лишённый привычного центра, проходит в своём пути сквозь горнило земных испытаний. На эту особенность метафизики пути у Марселя обращает внимание Михаил Ямпольский: «Парадоксальное существо этой дороги, которое Марсель называет “синтезом”, заключается в том, что, двигаясь от себя во вне, путник по существу лишь проясняет и конкретизирует самого себя. Уход от себя оказывается возвращением к себе» [14, с. 31–32].

Инкарнированный человек в изменяющихся ситуациях жизни, проходя через новые конкретные испытания, постоянно находится в пути. Фундаментальную ситуацию «бытия в пути» (*être en route*), которая есть его земной человеческий удел, передаёт метафора «Человека идущего» (*Homo Viator*). Эту метафору исследователи творчества французского философа как только не переводят: человек-странник, скиталец, путник, паломник и др. Данный философский образ, созданный Габриэлем Марселем в своей одноимённой монографии 1945 г., прочно вошёл во всемирное культурное наследие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поль Рикёр – Марсель Габриэль. Беседы // Марсель Г. Трагическая мудрость философии. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1995. С. 146–187.
2. Фуко М. История сексуальности 4. Признания плоти. М.: Ад Маргинем Пресс: Гараж, 2023. 416 с.
3. Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Т. 1: Анти-Эдип. М.: РИПОЛ классик, 2025. 512 с.
4. Ясперс К. Введение в философию. Философская автобиография. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 304 с.
5. Марсель Г. Опыт конкретной философии. М.: Республика, 2004. 224 с.
6. Рикёр П. Габриэль Марсель и феноменология // Поль Рикёр в Москве. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2013. С. 421–451.
7. Жильсон Э. Назидательный пример // Марсель Г. Присутствие и бессмертие. Избранные работы. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. С. 313–323.
8. Артеменко Н. А. Хайдеггеровская «потерянная рукопись»: на пути к «Бытию и времени». СПб.: Гуманитарная Академия, 2012. 128 с.
9. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2004. 639 с.
10. Марсель Г. О смелости в метафизике: сборник статей. СПб.: Наука, 2013. 411 с.
11. Marcel G. Cinq pièces majeures. Paris: Plon, 1973. 555 p.
12. Гусейнов Ф. И. Уроки философии и вопросы философского образования в творчестве Габриэля Марселя // Вопросы философии. 2023. № 4. С. 81–92. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-4-81-92.
13. Гусейнов Ф. И. Фанатизм как тип ментальности в трудах Габриэля Марселя и Карен Армстронг // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2022. Т. 26. № 3. С. 697–712. DOI: 10.22363/2313-2302-2022-26-3-697-712.
14. Ямпольский М. Книга рая: путь. Морфология непостижимого и недостижимого. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 400 с.

REFERENCES

1. Ricoeur, P. & Marcel, G. (1995). Conversations. In: Marcel, G. *The Tragic Wisdom of Philosophy*. Moscow: Humanitarian Literature publ., pp. 146–187 (in Russ.).
2. Foucault, M. (2023). *The History of Sexuality: 4: Confessions of the Flesh*. Moscow: Ad Marginem Press: publ., Garage publ. (in Russ.).
3. Deleuze, G. & Guattari, F. (2025). *Capitalism and Schizophrenia. Vol. 1. Anti-Oedipus*. Moscow: RIPOL Classic publ. (in Russ.).
4. Jaspers, K. (2017). *Introduction to Philosophy. Philosophical Autobiography*. Moscow: Canon+ ROOI “Rehabilitation” publ. (in Russ.).
5. Marcel, G. (2004). *Experience of Concrete Philosophy*. Moscow: Republic publ. (in Russ.).
6. Ricoeur, P. (2013). Gabriel Marcel and Phenomenology. In: *Paul Ricoeur in Moscow*. Moscow: Canon + ROOI “Rehabilitation” publ., pp. 421–451 (in Russ.).
7. Gilson, E. (2007). An Instructive Example. In: Marcel, G. *Presence and Immortality. Selected Works*. Moscow: St. Thomas Institute of Philosophy, Theology and History, pp. 313–323 (in Russ.).
8. Artemenko, N. A. (2012). *Heidegger’s “Lost Manuscript”: Towards “Being and Time.”* St. Petersburg: Humanitarian Academy publ. (in Russ.).
9. Sartre, J.-P. (2004). *Being and Nothingness: An Essay in Phenomenological Ontology*. Moscow: Respublika publ. (in Russ.).
10. Marcel, G. (2013). *On Courage in Metaphysics: Collection of Articles*. St. Petersburg: Nauka publ. (in Russ.).
11. Marcel, G. (1973). *Cinq pièces majeures*. Paris: Plon.
12. Guseinov, F. I. (2023). Philosophy Lessons and Issues of Philosophical Education in the Works of Gabriel Marcel. In: *Voprosy filosofii*, 4, 81–92. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-4-81-92 (in Russ.).
13. Guseinov, F. I. (2022). Fanaticism as a Type of Mentality in the Works of Gabriel Marcel and Karen Armstrong. In: *Bulletin of Peoples’ Friendship University of Russia. Series, Philosophy*, 26 (3), 697–712. DOI: 10.22363/2313-2302-2022-26-3-697-712 (in Russ.).
14. Yampolsky, M. (2024). *The Book of Paradise: The Path. Morphology of the Incomprehensible and the Unattainable*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гусейнов Фарид Ибрагимович (г. Москва) – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, доцент кафедры философии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана (национального исследовательского университета), доцент кафедры социальной философии Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы;
e-mail: metafizikas@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Farid I. Guseinov (Moscow) – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of History and Philosophy, Plekhanov Russian University of Economics; Assoc. Prof., Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University; Assoc. Prof., Department of Social Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;
e-mail: metafizikas@rambler.ru